

Дмитрий Марр

HR 029 BPM

ECG Lead II

9

SpO2: 81%

RESP. --

Temp. --

Звездочет 3. Девять месяцев
и девять дней

18+

Дмитрий Марр

Звездочет 3. Девять месяцев и девять дней

<https://litres.ru/74252313>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире между жизнью и смертью следователь Михаил Россинский проходит через испытания собственного сознания. После крушения поезда, оставившего его в коме на девять месяцев, его мозг обретает невероятную силу.

Но цена возрождения высока: чтобы вернуться в реальность, ему предстоит встретиться с демонами прошлого. Каждая комната в этом странном пространстве — это боль, вина и ошибки, которые он должен принять.

Его отец, ставший проводником в этом мрачном путешествии, знает не всё. И только сам Михаил может решить, готов ли он заплатить истинную цену за возвращение — отпустить свою одержимость охотой на Звездочёта и принять себя таким, какой он есть.

Время истекает. Двери закрываются одна за другой. И только от выбора Россинского зависит, кем он станет, когда откроет глаза в реальном мире.

Дмитрий Марр

Звездочет 3. Девять месяцев и девять дней

КНИГА ТРЕТЬЯ: «ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ И ДЕВЯТЬ ДНЕЙ»

Глава 1

Тьма.

Сначала не было ничего, и это «ничего» было им самим. Не было мысли, которая могла бы отделить «я» от «не-я», не было времени, чтобы отметить начало этого отсутствия. Просто ноль. Вакуум, не знающий о собственном существовании.

А потом — щелчок. Даже не щелчок. Сдвиг. Так сходят лавины: долго, почти вечность, висит на склоне снежная плита, мёртвая и неподвижная, а потом — микроскопический разрыв кристаллической решётки, и вся масса приходит в движение. Так и здесь. Что-то сдвинулось, и пустота вдруг осознала себя пустотой, и это осознание было Михаилом.

Мысль не оформилась словами — просто возникло ощущение границы. Вот здесь, в этой точке, начинается он. А всё, что за пределами точки, — тьма. Не чернота под веками, не ночь за окном — абсолютная, плотная, физически ощутимая тьма, в которой нет места свету, потому что самый принцип света здесь не предусмотрен.

Михаил попытался вдохнуть — и не смог.

Осознание этого пришло не сразу. Сначала была попытка — рефлекторная, глубинная, идущая откуда-то из основания мозга. Расширить грудную клетку, втянуть воздух, почувствовать, как он проходит через носоглотку, наполняет лёгкие. Команда ушла — и ничего. Ни движения рёбер, ни сокращения диафрагмы, ни даже слабого намёка на то, что где-то там, в темноте, существует тело, способное эту команду выполнить.

Паника. Она пришла не волной — она просто встала рядом, как старый знакомый, положила руку на плечо и зашептала в ухо. У тебя нет тела. Ты умер.

— Нет.

Слово прозвучало — но только внутри. Голоса не было.

Связок не было. Ничего не было, кроме мысли, которая отчаянно цеплялась за саму себя, пытаясь доказать собственное существование.

Я мыслю — значит, я существую. Чьё это? Декарт? Кажется, Декарт. Если я это помню, значит, я жив. Или нет. Может, мёртвые тоже помнят. Может, смерть — это бесконечное прокручивание воспоминаний в пустоте, без тела, без голоса, без возможности закрыть глаза и перестать быть.

Тьма молчала. Она не была враждебной — просто безучастной. Как океан, в который упала песчинка.

Михаил попытался закричать.

Это была вторая попытка — после дыхания. Он собрал всё, что считал собой, в одну точку и толкнул это наружу. Напрягся — мышечной памяти ещё хватило на то, чтобы помнить, как это делается. Заорать. Выплеснуть ужас и ярость, позвать на помощь, просто издать хоть какой-то звук, чтобы разбить эту ватную тишину.

Ничего.

Даже эха не было. Даже ощущения, что крик ушёл куда-то вглубь. Он просто не возник. Команда ушла в пустоту и рас-

творилась в ней, как растворяется сахар в стакане воды — без следа, без остатка.

Вот теперь стало страшно по-настоящему. Не тот страх, что приходит перед прыжком или в тёмном переулке, — другой, экзистенциальный, первобытный. Страх существа, которое обнаружило, что оно замуровано в собственном сознании, как в бетонном мешке, и не может даже сообщить миру о том, что оно ещё есть.

А есть ли я?

Он попытался вспомнить, что было до.

Пустота. Не та, что окружала его сейчас, — другая, шумная, наполненная звуками и движением. Поезд. Да, точно — поезд. Он ехал в поезде. Допрос в Рязани закончился, он сел в поезд, чтобы вернуться в Москву. Дождь. За окном был дождь, и капли били по стеклу, и стёкла запотевали от его дыхания, потому что он стоял в тамбуре, прислонившись лбом к холодной поверхности.

А потом?

Потом — ничего. Провал. Чёрный квадрат Малевича на месте памяти. Словно кто-то вырезал кусок плёнки и акку-

ратно склеил оставшиеся концы, и теперь между «стою в тамбуре» и «я здесь» не было ничего.

Крушение.

Слово всплыло само — как пузырь воздуха со дна болота. Крушение поезда. Он не помнил, но знал. Знал, как будто кто-то вложил ему в голову готовый файл с информацией. Поезд сошёл с рельсов. Вагоны смяло. Были жертвы. И он — одна из них.

Только живая или мёртвая?

Михаил попытался ещё раз. На этот раз — не закричать, не вдохнуть, а просто пошевелиться. Сжать кулак. Моргнуть. Повернуть голову. Хоть что-нибудь, хоть самый слабый сигнал от тела, который подтвердил бы, что оно существует, что оно подчиняется, что связь между «я» и «моё тело» не оборвана.

Тьма не ответила.

Тогда он начал считать.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Считать было нечего — только удары собственного сердца, которые он придумал, чтобы не сойти с ума. Ритм, рождённый из ничего, чтобы заполнить пустоту. Он считал до ста, потом до тысячи, потом перестал считать, потому что цифры потеряли смысл. Сколько прошло? Минута? Час? Год? Вечность?

Времени не было. Это он понял не сразу — понял кожей, если можно так сказать о том, у кого нет кожи. Время существует только там, где есть изменения. Смена дня и ночи. Движение стрелок. Биение сердца. А здесь не менялось ничего. Тьма была ровной, плотной и неподвижной. Она не светлела, не темнела, не дышала. Она просто была — и Михаил был в ней.

Отчаяние пришло позже.

Сначала он боролся. Снова и снова пытался закричать, пошевелиться, достучаться до тела. Потом — убеждал себя, что это временно. Кома. Так бывает. Люди лежат в ко-

ме, а потом выходят. Нужно просто подождать. Он ждал — и ждал, и ждал, пока ожидание не превратилось в бесконечный коридор без дверей.

Потом он торговался. С кем? С Богом, в которого не верил. Со Вселенной. С Звездочётом, чёрт бы его побрал. «Дай мне выбраться. Я сделаю всё, что угодно. Я изменюсь. Я исправлю. Я стану другим». Слова падали в пустоту, и пустота глотала их.

Потом он злился. Ярость была очищающей — почти горячей в этой холодной темноте. Какого хрена? Почему я? За что? Кто решил, что со мной можно так? Он проклинал поезд, проклинал дождь, проклинал себя за то, что сел в этот чёртов вагон. Злость давала энергию — но и она иссякла, потому что злиться в пустоте не на кого. Злость без объекта — это просто огонь, пожирающий сам себя.

А потом пришло смирение.

Не то смирение, о котором пишут в книжках по самопомощи, — не принятие с просветлённым лицом и мудрыми глазами. Другое. Глухое, серое, тяжёлое. Смирение заживо погребённого, который перестал кричать, потому что сверху — шесть футов земли и ни одна живая душа не услышит. Кричать бессмысленно. Бояться бессмысленно. Наде-

яться бессмысленно.

Оставалось только быть.

И он был.

Тьма обнимала его, и он постепенно сливался с ней, теряя последние границы себя. Где заканчивается «я» и начинается «не-я»? Уже непонятно. Может, так и выглядит смерть — не переход, не туннель со светом в конце, а просто растворение, медленное угасание сознания, когда ты перестаёшь быть собой и становишься ничем.

Он почти сдался.

Почти позволил себе растечься, рассыпаться, перестать помнить своё имя. Михаил. Михаил Дмитриевич Россинский. Двадцать восемь лет. Следовательно. Нет — уже не следовательно, уволили же. Просто Михаил. Просто человек. Просто сознание в пустоте.

Я есть. Я всё ещё есть.

Эта мысль стала якорем. Он вцепился в неё, как утопающий в бревно во время шторма. Я есть. Я помню. Я — Михаил. Меня зовут Михаил. Я люблю чай. Терпеть не могу бю-

рократию. Моего отца убили. Звездочёт — я искал Звездочёта. Это важно. Это то, что делает меня мной.

Он повторял это снова и снова — список фактов, как мантру, как молитву. Чай. Отец. Звездочёт. Надя. Громов. Бабочкин. Чай — чёрный, с бергамотом, как в старые времена. Отец — руки, пахнущие деревом. Звездочёт — белая маска в электричке. Надя — дневник и взгляд. Громов — молчаливое присутствие. Пётр — стук клавиш.

Он держался за их имена, как за нити, связывающие его с миром живых.

Сколько времени прошло? Он не знал. Но что-то изменилось — едва заметно. Тьма перестала быть монолитной. Нет, она не рассеялась, в ней не появилось пятен света. Но возникло ощущение... глубины? Объёма? Словно пространство вокруг перестало быть бесконечно сжатой точкой и начало растягиваться, обретать измерения.

И ещё — тишина.

Она тоже изменилась. Раньше это была абсолютная тишина — ни звука, ни шороха, ни даже шума крови в ушах. Теперь в ней появилось... напряжение? Нет, не то слово. Предчувствие звука. Так бывает в комнате, из которой только

что вышел человек: воздух ещё хранит память о его голосе. Здесь было так же — тишина ещё не была нарушена, но уже готова была треснуть.

Михаил замер.

Ждать в пустоте — особое искусство. У него было время научиться.

И он ждал.

Тьма висела вокруг плотным занавесом, но теперь он чувствовал — не слышал, именно чувствовал, — что за этим занавесом что-то есть. Не свет. Не звук. Возможность того и другого.

А потом пришло движение воздуха.

Слабое. Едва уловимое. Дуновение — как от проходящего мимо человека. На одну секунду. И пропало.

Михаил рванулся к нему всем своим не-существом, но было поздно — ничего. Снова тишина. Снова тьма. Только теперь в груди — которой у него не было — что-то сжалось. Не боль. Другое. Надежда? Пожалуй.

Он снова начал ждать.

Воздух пришёл опять. Теперь — чуть дольше. Достаточно, чтобы он успел заметить: это не сквозняк. В движении был ритм. Кто-то шёл. Или что-то двигалось. Что-то, что нарушало неподвижность этого мёртвого мира.

Живое.

Что-то живое было здесь, в этой пустоте, и оно приближалось.

Михаил не мог вдохнуть. Не мог закричать. Не мог пошевелиться. Но он мог ждать — и он ждал, всей своей сущностью потянувшись навстречу движению воздуха, как растение тянется к солнцу.

Движение прекратилось.

Тишина сгустилась — теперь уже не пустая, а наполненная чьим-то присутствием. Кто-то стоял рядом. Кто-то смотрел на него — хотя как можно смотреть, когда у тебя нет глаз, а у того, на кого смотрят, нет лица?

И тогда из тишины прорезался звук.

Далекий, неясный, как радиосигнал с другого континента. Он шёл сквозь помехи, сквозь шум, сквозь толщу воды и времени. Он был ритмичным — не просто шум, а паттерн. Настойчивый, повторяющийся, почти знакомый.

Голос.

Кто-то говорил.

Кто-то звал его по имени.

Михаил не мог ответить — но впервые за вечность он понял, что он здесь не один.

Глава 2

Воздух дрогнул снова.

На этот раз движение было отчётливее — не просто дуновение, а волна, прошедшая сквозь пространство. Как если бы кто-то провёл ладонью над поверхностью воды, и круги разошлись во все стороны, и каждый круг задел Михаила, сообщая ему что-то о форме и весе невидимой руки.

Он замер.

Он научился ждать — девять месяцев? девять лет? вечность? — но сейчас ожидание было другим. Не пассивным растворением в пустоте, а активным, напряжённым вниманием. Каждая частица его сознания превратилась в слух. В осязание. В ожидание.

Звук приближался.

Это был голос — теперь он слышал это ясно. Не шум, не помехи, не игра воображения. Человеческий голос. Мужской. Низкий, с хрипотцой, с теми обертонами, которые появляются у людей, привыкших говорить тихо, но веско. Голос что-то произносил — слова пока не различались, но ритм был узнаваем. Так говорят не в пустоту, не сам с собой, а с кем-то. С ним.

— ...слышишь...

Слово прорвалось сквозь толщу тишины, как первый луч прожектора сквозь туман. Неясное, искажённое, но безусловно слово. Михаил рванулся к нему — без тела, без голоса, одним лишь усилением воли, отчаянным, как бросок в пропасть.

— Я здесь! — беззвучно закричал он. — Я здесь, я слышу, говори!

Ответом была тишина. Но не прежняя — не глухая стена, а скорее пауза. Голос замолчал, но не исчез. Присутствие — то самое, что ощущалось как движение воздуха, — оставалось рядом.

Михаил попытался успокоиться. Если голос слышит его, то бессвязный внутренний крик — не лучший способ общения. Нужно говорить чётко. Нужно формулировать мысли так, чтобы они доходили. Если этот мир — мир сознания, то, может быть, мысль здесь и есть речь.

— Я тебя слышу, — сказал он — нет, подумал, но постарался подумать так, словно произносил вслух. — Я слышу. Кто ты?

Снова молчание. Долгое. Михаил уже решил, что связь оборвалась, что он опять остался один в этой проклятой темноте, как вдруг —

— Ми... ха...

Звук был похож на радиопередачу с другого континента во время грозы. Слова пробивались сквозь шум, сквозь расстояние, сквозь саму ткань реальности. Но они были. Два слога. Его имя. Кто-то знал его имя.

— Да! — мысленный крик получился громче, чем он хотел. — Да, это я! Я Михаил! Я здесь!

Присутствие шевельнулось. Михаил не мог бы объяснить, откуда он это знает, — но знал. Словно воздух вокруг сгустился, собираясь в форму, — и тут же рассыпался. Присутствие колебалось, как пламя свечи на сквозняке: то усиливалось, почти обретая плотность, то отступало, грозя исчезнуть совсем.

Так прошло какое-то время. Несколько секунд? Часов? Он не мог определить.

А потом —

— Миша.

Одно слово. Чётко. Без помех. И от этого слова что-то внутри Михаила сломалось. Сорвалось. Рухнуло, как подкошенное.

Миша.

Так его называл только один человек.

Это невозможно. Этого не может быть. Потому что этот человек мёртв. Потому что Михаил сам видел фотографии с места преступления, сам держал в руках дело, сам стоял над могилой, когда комья мёрзлой земли падали на крышку гроба. Отец мёртв двенадцать лет. Отец мёртв, и Звездочёт убил его, и всё, что осталось от отца — это пачка пожелтевших фотографий, старая фляжка в мастерской и голос в голове Михаила, внутренний диалог, который он придумал себе, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Это не отец. Это галлюцинация. Мозг, умирающий в больничной палате, цепляется за последние обрывки памяти и выдаёт их за реальность. Это всё — кома, кислородное голодание, нейроны, хаотично разряжающиеся в агонии. Никакого «мира между» не существует. Есть только больничная койка и тело, которое отказывается жить.

— Это не ты, — подумал Михаил. — Ты — проекция. Мой мозг создал тебя, чтобы я не сошёл с ума.

Тишина. Потом — звук. Станный, непохожий на прежнее. Толи вздох, толи смешок. Горький, с хрипотцой.

— Может быть, — сказал голос. — Может, и проекция. Только проекция не знает того, чего не знаешь ты. Верно?

Михаил замер.

— А я знаю то, чего ты не знаешь, Миша. Поэтому выби-
рай: либо ты говоришь с тем, кого нет, либо признаёшь, что
мир устроен сложнее, чем ты привык думать.

Логика. Чёткая, спокойная, чуть насмешливая — та самая
логика, которую Михаил помнил с детства. Отец всегда так
говорил: не давил авторитетом, а предлагал задачку. «Если
А равно Б, а Б равно В, то чему равно А, Миша? Подумай».

Михаил подумал.

Он всю жизнь работал с фактами. С доказательствами. С
тем, что можно пощупать, сфотографировать, приобщить к
делу. Мир «между», души, голос мёртвого отца — это не
лезло ни в какие рамки. Но факт оставался фактом: он слы-
шал голос. Он чувствовал присутствие. Его называли Мишей.
И мозг, создающий галлюцинации, действительно не мог бы
выдать реплику про «то, чего не знаешь ты». Мозг оперирует
только тем, что в него загружено.

— Допустим, — осторожно сказал он. — Допустим, это
ты. Допустим, я... не в больнице. Тогда где я?

— Между, — ответил голос.

— Между чем?

— Между жизнью и смертью. Между миром живых и миром ушедших. Между.

Слово повисло в темноте и начало разрастаться, заполняя пространство смыслом. Между. Не здесь и не там. Промежуток. Тамбур. Платформа, на которой ждут поезда, идущего в одну сторону.

— Почему я здесь?

— Потому что не отпустил.

— Что не отпустил?

— Это ты должен понять сам. Я не знаю.

— Как это — не знаешь?

— А вот так, — в голосе отца прорезалась знакомая усмешка, та самая, с которой он когда-то говорил: «Разбейся сам, у тебя голова на плечах». — Я здесь не всезнающий дух, Миша. Я — просто я. Твой отец. И я знаю далеко не всё.

Михаил попытался осмыслить это. Отец — здесь. В этом странном месте. Не живой, но и не исчезнувший. Присутствующий. Говорящий с ним.

— Ты... мёртв? — спросил он, и даже мысленный голос дрогнул.

Пауза.

— Я ушёл, — сказал отец. Голос его стал тише, но не слабее. — Я ушёл, но задержался. Ради тебя.

— Почему?

— Потому что ты здесь. А значит, я тебе нужен.

Воздух вокруг снова пришёл в движение — на этот раз ритмичное, как волны. Как будто там, в темноте, кто-то вздохнул. Медленно, тяжело, с усилием.

— Я не помню многого, Миша. Я не помню, как ушёл. Я не помню лица того, кто это сделал. Я не помню боли. Я помню только тебя. Нашу жизнь. Твоё детство. Мастерскую. Рыбалку на Оке. Как ты приносил из школы четвёрки и расстраивался, а я говорил: «Главное — понимать, а не зубрить».

Я помню, как ты в первый раз сел за руль. Как поступил в университет. Как мы пили чай вечерами и молчали — и нам было хорошо молчать вдвоём. Я помню любовь. Всё остальное стёрто.

Михаил слушал. Если бы у него были глаза, он бы плакал. Если бы у него было горло — оно бы сжалось спазмом. Но у него не было ничего, только сознание, и это сознание сейчас горело, как оголённый нерв, по которому пустили ток.

— Папа, — сказал он.

Одно слово. Просто слово. Но оно вобрало в себя всё: двенадцать лет одиночества, двенадцать лет охоты, двенадцать лет незаживающей раны.

— Я здесь, Миша.

— Мне страшно.

— Знаю.

— Я не знаю, что делать.

— Знаю. Я помогу. Но помочь я могу только отчасти. Главное тебе придётся сделать самому.

— Что?

— Найти ответ.

— Какой ответ?

Воздух дрогнул. Михаил почувствовал — нет, не прикосновение, но что-то близкое к нему. Как если бы кто-то провёл ладонью в миллиметре от его кожи. Тепло. Едва заметное, но безусловное тепло живого присутствия.

— Почему ты здесь и как отсюда выйти, — сказал отец. — Это твой вопрос. Ответа на него я не знаю. Я — проводник, но не карта. Я могу быть рядом, могу показывать направление, могу предупреждать об опасностях. Но идти тебе самому.

— Куда идти? — Михаил чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение. — Здесь ничего нет! Тьма! Пустота! Как можно куда-то идти, когда нет ни тела, ни направления, ни времени?

— Этот мир не пустой, — голос отца стал серьёзным. — Он полон. Полон того, что ты принёс с собой. Твои воспоминания. Твои страхи. Твои грехи. Твоя боль. Ты просто ещё

не научился видеть.

— Как мне научиться?

— Перестать ждать.

— Что?

— Ты ждал всё это время. Ждал, что кто-то придёт и вытащит тебя. Ждал, что тьма рассеется сама. Ждал, что станет легче. Не станет. Хватит ждать, Миша. Начни двигаться.

— Но как...

— Ты помнишь, как мы учили тебя плавать? Тебе было пять лет. Ты стоял на берегу и боялся войти в воду. А я сказал: «Вода тебя держит. Ты просто этого не знаешь. Сделай шаг — и узнаешь». Ты сделал. И вода держала.

Михаил помнил. Озеро. Мелкая рябь на воде. Запах тины и сосновой смолы. Отец стоит по пояс в воде и протягивает руки. И маленький Миша делает шаг — сначала по дну, потом дно уходит из-под ног, и на одно страшное мгновение он проваливается, но потом — чудо! — вода подхватывает его, и он плывёт. Неумело, по-собачьи, но плывёт.

— Здесь тот же принцип, — сказал отец. — Этот мир — не пустота. Он — вода. Он держит. Но чтобы он держал, нужно перестать цепляться за берег.

— Я не цепляюсь.

— Цепляешься. За свою беспомощность. За свой страх. За иллюзию, что ты всё ещё там, в больничной палате, и всё, что тебе остаётся — это лежать и ждать. Отпусти.

— Как?

— Начни с простого. Что ты видишь?

— Ничего, — тут же ответил Михаил. — Тьму.

— Ты уверен?

Михаил замер. Вопрос был странным. Что значит «уверен»? Он же смотрит — нет, не смотрит, у него нет глаз, но он воспринимает, и то, что он воспринимает, — это абсолютное отсутствие света.

Или нет?

Он заставил себя замедлиться. Перестать интерпретиро-

вать — и просто наблюдать. Тьма. Да, тьма. Но тьма чёрному рознь. Та, что окружала его вначале, была плоской, как экран выключенного телевизора. А эта...

В ней была текстура.

Он не замечал этого раньше, потому что не искал. Но теперь, когда отец спросил, Михаил увидел — или почувствовал? — что тьма неоднородна. В ней были сгустки и разрежения, потоки и завихрения. Она двигалась. Медленно, почти незаметно, как облака в безлунную ночь, — но двигалась.

— Вижу, — сказал он медленно. — Вижу... движение.

— Хорошо. Что ещё?

Он продолжал всматриваться. Тьма слоилась. В ней проступали оттенки — не цвета, но оттенки плотности. Где-то она была гуще, почти материальной. Где-то — прозрачнее, словно за ней скрывался другой слой.

— Она не одинаковая, — произнёс Михаил. — Она... слоистая. Как тесто.

Отец усмехнулся. Михаил услышал эту усмешку — теперь она звучала ближе, теплее.

— Хорошее сравнение. Продолжай.

— Я чувствую движение. Медленное. Как если бы я был под водой, а надо мной проходили волны.

— Так и есть. Только это не вода. Это время.

— Время?

— В этом мире время течёт не так, как в вашем. Здесь оно не линия, а океан. В нём есть течения, водовороты, глубины. То, что ты видишь — или думаешь, что видишь, — это слои времени. Ближайшие к тебе — самые свежие. Недавние воспоминания. Дальше — глубже — то, что было давно.

Михаил попытался осмыслить это. Время как океан. Слои, которые можно разглядеть. Течения, которые можно почувствовать. Это было безумием — но безумием, имевшим свою внутреннюю логику.

— Я хочу видеть больше, — сказал он.

— Тогда смотри.

— Я смотрю.

— Нет, — голос отца стал строже. — Ты ждёшь, что видение придёт к тебе само. А ты иди к нему. Тянись. Как тогда, в озере: вода держит, но чтобы плыть, нужно грести.

Грести. Двигаться. Тянуться. Но как тянуться, если нет рук?

Михаил попробовал. Сначала — просто представить, что он тянется. Как в детстве, когда пытался дотянуться до яблока на верхней ветке: встаёшь на цыпочки, вытягиваешь руку, пальцы дрожат от напряжения — ещё чуть-чуть, ещё немного...

И мир ответил.

Тьма всколыхнулась — не просто движением, а осмысленной реакцией. Она подалась навстречу, словно принимая его намерение. Слои дрогнули, раздвинулись, и в разрыве Михаил увидел...

Не увидел. Ощутил. Вспомнил.

Поезд. Дождь за окном. Стук колёс. Он стоит в тамбуре, прижавшись лбом к стеклу. Телефон в кармане — только что звонил Громову, тот сказал что-то про кровь, про то, что

Звездочёт не мог действовать в одиночку. Мысли путаются. Дело разваливается. Следов нет. Звездочёт как призрак — был и исчез. И этот дождь, бесконечный дождь.

А потом — толчок.

Резкий, как удар в спину. Поезд дёргается, Михаила швыряет на стену тамбура. Визг металла. Крик — кажется, его собственный. Мир переворачивается. Пол становится потолком, стены смыкаются. Боль. Короткая, ослепительная —

И тьма.

Михаил отшатнулся — мысленно, потому что отшатнуться было нечем. Но воспоминание схлынуло так же резко, как накатило. Оставив после себя дрожь — не физическую, но психологическую, глубинную.

— Это оно, — сказал он. — Крушение.

— Да, — подтвердил отец. — Это ближайший слой. То, что случилось с тобой в последнюю минуту перед тем, как ты оказался здесь.

— Я... я был в поезде. Был толчок. И всё.

— Больше ты пока не готов увидеть.

Михаил хотел возразить — он следовательно, он привык смотреть на страшное, он не боится, — но осёкся. Дело было не в страхе. Дело было в том, что воспоминание оказалось... живым. Не картинкой, не видеозаписью — а полноценным переживанием. Когда он касался его, он был там. Чувствовал холод стекла. Слышал дождь. Испытывал боль.

— Правила, — сказал отец. — Я обещал рассказать о правилах.

— Да. Рассказывай.

— Первое: мир реагирует на тебя. Твои эмоции, твои мысли, твои намерения — всё здесь материально. Гнев искажает пространство. Страх порождает чудовищ. Принятие открывает пути. Ты — центр этого мира, и всё в нём вращается вокруг тебя.

— Почему?

— Потому что это твой мир. Ты его создал. Из своих воспоминаний, чувств, поступков. Ты строишь его каждым своим выбором.

Михаил помолчал, переваривая.

— Второе, — продолжил отец. — За проход нужно платить. Некоторые двери открываются просто так. Другие требуют платы. Это не фигура речи, Миша. Мир в прямом смысле будет забирать у тебя что-то.

— Что именно?

— То, что ты отдашь.

— А если я не захочу отдавать?

— Тогда дверь не откроется. Ты застрянешь. Останешься здесь навсегда.

По спине — которой не было — пробежал холодок.

— И третье. Самое важное. Слушай внимательно.

Михаил весь обратился в слух. Отец редко говорил таким тоном — только когда речь шла о действительно серьёзных вещах. О безопасности. О жизни и смерти.

— Не отдавай то, что делает тебя тобой, — произнёс отец медленно, чеканя каждое слово. — Память о родителях.

Способность любить. Внутренний стержень. То, ради чего ты живёшь. Это — не плата. Это — ты сам. Если отдашь это — вернётся оболочка. Не ты.

— А что тогда отдавать?

— То, что притворяется тобой. Гордыню. Иллюзию контроля. Страх одиночества. Привычку к боли. То, что ты носишь как маску, но что не является твоей сутью. Мир возьмёт это с радостью — и взамен откроет путь.

Михаил задумался. Гордыня. Иллюзия контроля. Привычка к боли. Да уж, список был прямо про него. Особенно гордыня — он годами убеждал себя, что справится в одиночку, что не нуждается ни в чьей помощи, что его охота на Звездочёта — это его личная война.

— Я понял, — сказал он. — Есть ещё правила?

— Много, — отец вздохнул. — Но эти — главные. Остальные узнаешь по дороге.

— По дороге куда?

— Через комнаты.

— Какие комнаты?

Но отец не ответил. Воздух вокруг снова пришёл в движение — на этот раз тревожное, как рябь на воде перед штормом. Присутствие отца стало слабеть, истончаться, словно его оттягивало назад какое-то течение.

— Я не могу оставаться долго, — сказал он, и голос его звучал уже глуше, дальше. — Меня здесь держит только твоя нужда. Когда ты справляешься сам, я отступаю. Когда тебе нужна помощь — возвращаюсь.

— Не уходи! — Михаил рванулся к нему, но было поздно.

— Я рядом, Миша. Даже когда ты меня не слышишь. Помни: этот мир — твой. Ты создал его. Ты можешь его изменить. Сделай шаг — и вода будет держать.

— Подожди! Ещё один вопрос!

Тишина. Присутствие истончилось до почти неощутимого фона — как запах, который ещё висит в воздухе, хотя его источник уже исчез.

— Что с моим телом? — спросил Михаил в пустоту. — Я жив?

Молчание. Долгое, бесконечное. А потом — уже на грани слышимости, как шёпот из другого мира:

— Девять месяцев и девять дней. Ровно столько, сколько нужно, чтобы родиться заново.

И тишина. И тьма. Но теперь другие — не мёртвые, а живые. Наполненные потенциалом. Ожиданием. Михаил остался один, но одиночество теперь было иным. Не брошенность — а самостоятельность.

Он сделал шаг.

Тьма приняла его шаг и вернула движением — лёгким, ободряющим, почти дружеским. Как вода, которая держит пловца.

Впереди — пока ещё невидимо, но ощутимо — что-то было. Что-то ждало его. Комнаты. Испытания. Ответ на вопрос, который он ещё даже не сформулировал до конца.

Михаил шагнул ещё раз. И ещё.

Тьма расступалась перед ним, и в её глубине начали проступать очертания.

Сначала — смутные, как силуэты в тумане.

Потом — яснее.

Стены. Пол. Потолок.

Первая комната.

Глава 3

Комната проявилась не сразу.

Сначала были только стены — даже не стены, а ощущение стен. Вертикальные плоскости, ограничивающие пространство, превращающие бесконечную тьму в замкнутый объём. Пол — твёрдая поверхность под ногами. Потолок — давящая тяжесть сверху. Михаил не видел их, но знал: они есть. Они здесь. Комната существует.

А потом пришёл свет.

Не свет даже — серость. Размытая, неверная, как утренние сумерки перед рассветом, когда мир уже не чёрен, но ещё не цветной. Она проступала медленно, слой за слоем, как изображение на фотобумаге, опущенной в проявитель.

Контуры становились чётче. Детали — различимее.

Это была комната для допросов.

Михаил узнал её сразу — слишком много часов он провёл в таких комнатах по обе стороны стола. Бетонные стены, крашенные грязно-зелёной краской, которая шелушилась на углах. Лампа дневного света под потолком, забранная мелкой решёткой — чтобы нельзя было разбить. Стол — металлический, привинченный к полу. Два стула. На одном сидел он сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.